

18+

Евгения Черноусова

Утятинская торговка

Евгения Черноусова
Утятинская торговка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черноусова Е.

Утятинская торговка / Е. Черноусова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Одинокая пожилая женщина смолоду живёт в маленьком провинциальном городке и торгует на рынке одеждой. Мало кто знает, что в прошлом у неё были другие города и страны, два замужества и вечный страх, из-за которого ей приходилось срывать с насиженного места. И даже она не знает, что прошлое вновь настигнет её.

УТЯТИН – УСПЕНСК, НАШИ ДНИ.

Ираида Семеновна проснулась в плохом настроении. Вспомнив, что в зале ночуют Томка со Славкой, чуть не застонала. Полгода не прошло, как она влезла в большие кредиты, чтобы погасить долги племянника, и вот Томка на голубом глазу заявляет, что вынуждена продать квартиру и переселиться к ней. А этот без малого сорокалетний лось сидит со скучающей рожей, на которой написано: никуда ты, тетка, не денешься, заплатишь. И заплатила бы, но нечем. В последнее время торговля идет хуже. Ей одной бы хватило, даже Томке бы подбрасывала, но Славкины карты съедят любой доход.

Ираида Семеновна, прихрамывая, направилась на кухню. Заглянула в холодильник: так, супа на два дня, печенка... Да тьфу на них, если они сюда навеки прибыли, пусть сами думают, чем прокормиться. Прихлебывая чай, глядела в окно и вспоминала маленького Славика, как мама стирала в корыте, а ему наливала воды в маленький тазик, и он старательно намыливал свой носовой платок. С досадой смахнув слезу, она сказала себе: а это, пожалуй, единственный случай, когда он при ней что-то делал. Вымахал вон какой. И все учился. В школе – через пень-колоду, пришлось после девятого класса отдать его в ПТУ – там учился более-менее, потом в техникуме. Поступил на работу – через неделю уволился: тяжело. Его, специалиста, заставляют неквалифицированным трудом заниматься. Мать его пристраивала, а он уходил: опять не то. А Томка всегда вставала на его сторону. Потом вдруг заявляет: буду получать высшее образование. Ираида была не против, и исправно платила за обучение, которое растянулось на семь лет. Кроме обучения и ежемесячного вспоможения, приходилось постоянно подбрасывать на взятки преподавателям, на разные покупки, да просто на возврат долгов. Думала: получит диплом, отдохну. Где там! Томка устроила его на какую-то непыльную, но и не денежную службу с этим его сомнительным эколого-правовым институтом, у которого вскоре отобрали лицензию. А потребности мальчика все росли. Сначала игровые автоматы, потом казино. Теперь и казино запрещены, а он все равно играет и проигрывает. Последний раз выкупила его до того избитого, что, казалось, не выживет. А он опять проигрался, и, кажется, еще серьезнее.

На рынок она пришла темнее тучи. Васильевы торговли еще не начинали. В их секции стояла Таиска со шваброй и захлеб рассказывала какую-то утятинскую новость. Слушали ее не только Гена с расцарапанным лицом и Катя с подбитым глазом, но и продавцы с ближних торговых мест.

– Таисия, прекращай треп, – зло сказала Ираида.

– Ир, ты послушай, – Таисия пыталась вовлечь ее в разговор. – Знаешь Поповых из Ветошников?

– Тайка, если через пять минут ты не приберешься и не уберешься...

– Все, все... К тебе что, сестра приехала?

– Отсчет пошел!

Слушатели разошлись. Васильевы стали шустро распаковывать клетчатые сумки и развешивать товар по стенам. Когда Таисия перешла в следующую секцию, Ираида кинула Гене ключи и сказала:

– Я уезжаю в Москву за товаром, а ты после работы явишься ко мне на квартиру и будешь изображать моего хахалю. Будешь ходить в семейных трусах, чесать пузо и есть суп прямо из кастрюли. Можешь сестричку Томочку за попку ущипнуть.

У Катки глаза загорелись:

– А я? Ираида Семеновна, можно я приду ему морду бить, вроде из ревности?

Ираида вздохнула и ответила:

– Катя, моя сестра дура, но не идиотка. Она поверит, что у меня тридцатипятилетний любовник, но несчастливая соперница в возрасте внучки, да такая красотка, хоть и с подбитым глазом – это уже перехлест. Сиди дома, лечи боевые раны.

Стоявший в проходе Коля Тарасов, к которому в секцию перешла Таиска со шваброй, по-свойски вмешался в разговор:

– Ир, а ведь скандал-то не повредит.

Ираида сторяча хотела Колю обругать, да раздумала: коллега дело говорил. Что делать, у них в павильоне – как в коммуналке: все всё знают.

– А о чем?

– О главном.

– То есть?

– Да о деньгах, ясен пень.

Да, Коля попал в точку. Ведь сестрица с племянничком до сих пор считают, что у Ираиды денег не меряно. И никакие кредитные договоры их не убедят. А вот если в дом придут из коллекторского агентства...

– Да, неплохо было бы прислать к ним каких-нибудь мальчиков бандитского вида...

– Ира, сделаю. Только участкового бы предупредить.

– Уже. Я ему сказала, что в мое отсутствие все может быть. И про Генку сказала.

– А мне как себя вести с рэкетирами? – вмешался Гена. – Храбро защищаться или труса праздновать?

– Ничего делать не будешь. Местные бандиты знают, что с тебя взять нечего. А тут родственники явились, с них и попробуют стянуть долги, – ответил Коля.

– Только, Коля, не пережми. Томка хоть и моложе меня, но все-таки уже пенсионерка. Не дай бог, сердце... Да, а Славку пугать бесполезно: он столько раз бит, что счет потерян.

– Бить их никто не будет. Просто попугаем и дадим понять, что ты настолько в долгах запуталась, что взять с тебя нечего.

– Ох, Коля, ведь так оно и есть...

Из Колиной секции высунулась Таиска, у которой всегда ушки на макушке:

– Ира, сразу скажи им, что разбить не жалко.

– Еще чего... А вообще-то там в зале у входа на тумбочке ваза такая здоровенная. Терпеть ее ненавижу!

Дурацкое выражение случайно сорвалось с языка. Им маленький Славка смешил когда-то Ираиду Семеновну.

Катка в восторге следила за разговором:

– А вот еще что-нибудь забрать, Ир Семённа! Они потом вернут! Ну, что-то ценное в счет погашения долга!

– Дело говоришь, Катерина, – сказал основательный Коля. – Давай я запишу. Значит, так: вазу разбить. Теперь дальше. Что забираем?

– В спальне в туалетном столике – шкатулка с бранзулетками. В основном, бижутерия, но есть и ценное. Серьги такие массивные старинные... подарок покойного мужа. Еще одни серьги золотые с голубыми камешками. Цепочка золотая. Всё. Остальное – дешевка.

– Из техники?

– Да, ноутбук. Он тоже в спальне, на комод. Телевизор массивный, тащить не захочешь. DVD можно взять. И больше нечего. Надо же, всю жизнь торгую, ни хрена не нажила.

– Ир Семённа, шубу!

– Молодец, Катюха. Шубу и плащ кожаный. Он очень дорогой. Так что поаккуратней. Там на шкафу чемодан, в него и сложите.

– Теперь так. Какому банку должна?

– «Актуальный платеж».

– Ты чё? Посерьезней банка не нашла?

– Время, Коля. Славка у кредитора в подвале сидел.

– Ну, ясно. А поручитель кто?

– Ну, кого бы я стала за собой в долговую яму тащить? Без залога и поручительства.
– А вот это хорошо. Так и скажем: в случае смерти заемщика все стрелки переведем на наследника. Да, Ира, телефон отключи.

– Это еще зачем?

– Во-первых, чтобы тебе на жалость не давили. А во-вторых, я скажу, что ты, похоже, в бега подалась. А зачем нам заемщика искать, когда наследники – вот они?

– А... да ладно, звонить некому. Все, ребята, Серега подъехал. Аккуратней, бога ради.

Коля вышел из павильона вслед за ней и придержал за рукав:

– Ир, ты это... денег хватит на товар?

– Я с весны в кредит беру. Поэтому и доходы никакие.

– Ну, а за прошлую партию?

– Так еду же. Значит, набрала.

– Ты это... я много не могу, Машка заметит. Но десяточку возьми. Возьми, Ира! Ты меня столько раз выручала. Отдашь, когда разбогатеешь. – Сунул ей в руки две бумажки и нырнул в дверь.

Ираида Семеновна хлопнула дверью: «Поехали!» Дрогой два раза украдкой размазывала пальцами слезинки по щеке, чтобы шофер не заметил.

На базу прибыли поздно. Скинув в «Газели» плащ, металась по складам, подсчитывая, обмениваясь, расплачиваясь, отшучиваясь, отругиваясь. Сдала сумки с товаром в камеру хранения, отпустила Серегу к родственникам на ночевку. Он предлагал довезти до гостиницы, но она отказалась: дворами дойти быстрее, чем по светофорам кружить. К вечеру похолодало. Застегнув плащ под горло и повязав шейный платок на голову, побрела по узкому проезду между складами. Вроде бы, все удалось: и бракованный спортивный костюм обменяли без звука, и блузки смогла выцыганить не весь размерный ряд, а только самые ходовые, большие. Мимо проезжала легковушка. Ираида посторонилась, чтобы не обрызгали. Под ногами что-то хрустнуло, и она с размаху шлепнулась на коленки. Машина проехала. А Ираида по-прежнему стояла на четвереньках и плакала. Не только о больной коленке, но и обо всех сегодняшних неприятностях, обо всей своей жизни безденежной, собачьей.

Сзади кто-то подошел и тоненьким голосом стал причитать по-арабски. Потом взял ее под мышки и рывком поднял. Ираида стояла согнувшись, утирая слезы грязной рукой. Платок сполз на затылок. Переступила ногой, правая туфля оказалась без каблука. Это стало последней каплей. Ираида заплакала в голос.

Голос араба зазвучал успокаивающе. Продолжая придерживать ее сзади за талию, невидимый помощник повернул ее на тропинку между двумя складами. Хромая по узкой щели между стенами, она подумала: куда он ее ведет? Но было ей все равно.

Неожиданно они вынырнули на широкую площадку, окруженную складами и магазинчиками. Это был северный въезд на базу. Там, за воротами, помнится, остановка автобусов и троллейбусов. Но спутник подтолкнул ее к двери, над которой висела вывеска «Ремонт обуви». Ираида поднялась на две ступеньки и переступила порог. Сидевший на низенькой табуреточке с ботинком в руке смазливый усатенький мальчонка ошарашено глядел на нее.

– Да, видок у меня, наверное, еще тот, – вырвалось у нее.

– Ничего, ничего, – довольно чисто заговорил по-русски ее спутник. – Сейчас умоешься. Фадил, помоги.

Вслед за усатым Фадилом Ираида зашла за перегородку и, сняв с себя грязный плащ, очутилась в чуланчике, где смогла, наконец, умыться. Выйдя из чуланчика, увидела у порога домашние туфли с загнутыми носами. Надев их, вернулась в мастерскую и увидела, что плащ уже замыт и пристроен на прилавке, и к нему придвинут масляный радиатор, туфли вытерты и стоят на столе, а каблук вертит в руках Фадил. А на другом столе кипит никелированный

электрический чайник (таких уж много лет не выпускают!), выложен лаваш, сыр, финики, еще что-то. Пожилой араб сидит за столом и говорит:

- Покушайте с нами.
- Спасибо. Меня зовут Ираида.
- Я Салим. А это мой внук Фадил.

Ираида села за стол и отломала лаваш. И сама вздрогнула, когда пробормотала по-арабски благословение трапезе. Кажется, это по-русски будет «Во имя аллаха милостивого и милосердного»? Салим разразился длинной фразой. Она ответила:

- Нет, языка не знаю. Но когда-то я гостила в Эль-Бахиже.

– Эль-Бахижа! Там живет мой зять, отец Фадила! Где же вы жили там? Быть может, на одной улице с нашими родственниками?

– Это было... почти 40 лет назад это было. Едва ли я была знакома с вашими родственниками. А с родственниками, сами понимаете, и видеться не могла.

– Да, многое изменилось с тех пор. Теперь другие нравы. У кого вы гостили, уважаемая Ираида?

- У моей подруги Захиры, жены Ахмада аль-Фадла.

Салим всплеснул руками:

- Наш Тарик уже двадцать лет служит в этом доме!

– Рада, что у нас общие знакомые. Я с тех пор потеряла связь с Захирой и не знаю о ней ничего. Как она поживает?

- Месяца не прошло, как у вашей подруги случилось большое горе.

- Что такое?

- Уважаемая Захира овдовела.

Ничего себе, горе! Да Заечка, должно быть, счастлива! Это надо же, чуть ли не полвека прожить с этим негодяем! А я-то как счастлива! И я наконец настоящая вдова! Ираида уткнулась в чашку, чтобы скрыть радостную улыбку. Какой день сегодня! Черт с ней, с коленкой! Жизнь удалась!

– Наверное, Ахмад занимал солидный пост в правительстве? Он ведь родственник вашего султана?

– Да, господин Ахмад аль-Фадл – брат отца правителя. Он был министром внутренних дел.

– Да, это работа по нему. (Что я несу!) Не будет ли назойливостью с моей стороны, если я передам через вас соблезнования госпоже Захире?

- Конечно. Тарик звонит нам каждую неделю. От кого передать?

– Имя – Ираида. Фамилии моей по мужу она все равно не знает. Если вспомнит, может позвонить по этому телефону. Скажите, а как вы оказались в России? У вас ведь богатая страна.

– Везде есть богатые и есть бедные. Мы не из богатых. Десять лет назад мы с женой уехали сюда к ее брату. У нас тогда было беспокойно. Но дочь с зятем остались. А теперь со мной Фадил. Он здесь на врача учится. И мне помогает.

Тем временем Фадил продолжал стучать молотком. И вот уже туфли починены. Несмотря на возражения Салима, Ираида щедро заплатила за ремонт, поблагодарила за угощение и помощь, натянула высохший теплый плащ и шагнула за порог. Фадил пошел провожать ее.

- Фадил, я знаю, что остановка прямо за воротами. Возвращайся в дом.

– Нет, раз дедушка велел, значит, я должен посадить вас в автобус. – Фадил говорил по-русски абсолютно чисто. Подойдя к остановке, где в это время уже не было ни души, он продолжил. – Я заметил, что вы не очень огорчились, узнав о смерти Ахмада. Значит, вы хорошо его знали.

- Это был негодяй, – вырвалось у Ираиды.

– Да, он был злодеем. Пусть шайтан возьмет его к себе за все его подлости. Я особенно рад его смерти, потому что отец собирался отдать за него мою сестру. Слава Аллаху, свадьба не состоялась, жених умер.

– Я рада за твою сестру. Каких мук она избежала!

– А ваша подруга тоже не очень добрая женщина, извините.

– Полвека с таким... шайтаном жить... ангел почернеет.

Подошел автобус.

– Я бываю здесь 1-2 раза в месяц. Увидимся, Фадил. Спасибо за помощь!

Войдя в гостиницу, она увидела несколько человек, сидящих в холле. Значит, мест нет.

Света из Калуги сказала ей:

– Присаживайся, за мной будешь.

– А что, есть перспективы?

– Ночью автобус белорусов уезжает.

Ираида присела и машинально включила телефон. И тут же звонок, она аж подскочила.

Номер незнакомый. Предупреждал же Коля! Однако ответила. Прозвучало протяжное:

– Ира-а-ида-а...

– Зайка!

– Как живё-о-шь?

– Небогато. Зато не замужем. Торгую, барахло из столицы вожу. Ты-то как полвека терпела?

– Что же, камень дё-о-шево продала?

– Какой камень?

– Улы-ы-ба-а-ешься?

– Зайка, ты о чем?

– О чем-то блестя-а-щем.

– Зайка, я ничего не понимаю... – растерянно сказала Ираида.

Пауза. Потом:

– Пра-авда?

– Зайка, ты меня в чем-то обвиняешь? Говори прямо.

– Говорю-у прямо. (Шепотом) Сабахнур.

Сабахнур. Это же любимый чёртов камень чёртова Ахмада.

– Ты что, считаешь, я его сперла?

– Я не счита-аю, я зна-аю.

– ?!

– Ира-а-ида-а, я же сама тебе его дала-а!

– Ты что?

– Ну-у, жираф с розовым ма-аслом...

– Зайка, ой... что ж ты ничего не сказала?!

– Я сказа-ала.

– Ты прямо сказала или намекнула? Я же в каком состоянии была! Я ничего не поняла!

– Так где он?

– Не знаю. Если найду, я верну тебе его!

– Не-ет ... Продава-ай. Деньги пришлешь дочери.

У Ираиды вырвалось:

– У Саддама опять дочь?

– Молчи! Дочь Ахмада аль-Фадла вошла в почтенную семью.

Договорились о том, что Ираида продаст камень и пришлет дочери Захиры деньги через Салима.

– Он что, мафиози?

– Нет. Он знает, как деньги пересылать.

Деньги придется посылать частями, чтобы не было соблазна пересыльщикам. Стоит камень в десять раз больше. А может, и в сто. Но много не дадут, зная его криминальную историю. Если удастся, можно получить значительно больше. Но Захире для полного счастья требуется именно эта сумма.

– Зя-ать купит мне дом, и я буду жить одна-а. Одна-а!

Да, прожить полвека в таком дурдоме... Ираида читала, что теперь в арабских странах мужики покупают женам отдельные квартиры и посещают их по мере необходимости. Но Ахмад же у нас хранитель традиционных ценностей! Да и разбежались бы враз его жены при такой свободе. И подумать только, все это можно было прекратить еще в 60-х. Да нет, где бы в СССР можно было продать алмаз! Дура эта Захира!

Нужен ювелир. Если удастся выручить за камень побольше, можно будет выпутаться из долгов. А кто у нас ювелир? Придется ехать в Успенск.

Когда Ираида вышла из электрички, уже стемнело. «А адреса-то у меня нет!» Не беда: в Успенске живет Таня, дочь покойной соседки Милочки, внучатая племянница старухи Лиго. Набрала Татьяну. Голос не то больной, не то сонный.

– Борис Аркадьевич... нет, адреса я не знаю... Где-то в Южном...

– Таня, ты спала?

– Ой... да, я со сна никак не соображу...

– Извини.

– Ты что, Ира! Приезжай ко мне. Переночуешь, а завтра я адрес узнаю.

– Нет, Таня, мне сейчас надо.

– Примерно я знаю. Ты на вокзале? Переходишь через дорогу, там 2-й автобус. 4 остановки. Твоя – «Школа искусств». Увидишь магазин «Свет». Напротив – башня. За ней начинаются пятиэтажки. Вторая твоя. А вот подъезд и номер квартиры не скажу. Найдешь?

– Нужно найти. Пока!

– Ира, обязательно позвони. Я ждать буду.

Повезло, во дворе выгуливала мелкую собачонку дама в шикарном пальто. Глаза горели от любопытства, но расспрашивать не стала, указала подъезд, назвала номер квартиры. Кодовый замок. Незнакомый мужской голос:

– Кто?

– Родственница.

Голос издалека:

– Ида?

И пискнула дверь, открываясь. Зашла в ярко освещенный подъезд. Поднялась на площадку, где уже распахнул дверь незнакомый мужик. Пропустил ее вперед. В конце коридора стоял... у нее подломились ноги, и она шлепнулась на скамеечку над полкой с обувью.

– Ты что, Ида?

– Как стал на Аркадия Борисовича...

– Старики все друг на друга похожи. Сколько мы не виделись с тобой...

– С похорон Земфиры.

– Да, двадцать один год. Видно, здорово тебя жизнь тюкнула, если решила ко мне обратиться...

– Да, Борис Аркадьевич, я по делу. Нужна ваша профессиональная консультация.

– Вот как? – поднял брови старик. – Ну, об этом позже. У меня гостевой комнаты нет, так что устроим тебя в кабинете. Сейчас Константин тебе все покажет. Ты падала?

– Да. Что, заметно?

– Правая нога опухшая и не совсем отмытая. А завтра синяк будет. Вот кабинет, вот душ. Константин!

А он уже выходил из кабинета с каким-то барахлом в руках:

– Вот полотенца и халат. Шампунь, к сожалению, только мужской.

– Ничего, женщин моего возраста в специальной литературе называют «третий пол».

И закрылась в душе. Под струей горячей воды она подумала: это сколько же мы знакомы? Лет сорок?

УРЕМОВСК-УТЯТИН, 1969-1970.

На грязной газовой плите закипал чайник. Рядом в кастрюле с водой нагревалась банка болгарских голубцов. Ира вспомнила, что хлеб у нее позавчерашний, зачерствел, небось. Пойти взять дуршлаг и подновить его по маминому рецепту?

Еще в коридоре она поняла: в их комнате гудёж. Распахнула дверь – так и есть. Десять минут назад же никого не было! А теперь на проигрывателе крутится пластинка. Модная песня «Как хорошо быть генералом» в исполнении Вадима Мулермана. На столе несколько бутылок «Солнцедара», одна уже открыта и отпита. Консервы, хлеб, колбаса. Стол придвинут к Муниркиной кровати. За столом Машка, Мунирка, два парня из слесарки и еще кто-то незнакомый. На ее кровати полулёжа целуются Верка и какой-то потрепанный хмырь. Так, поужинала. Подошла и резко дернула за покрывало:

– Верка, брысь! Топчи свою койку!

– Подумаешь, проп...ли мы твою девичью постельку! – пьяно ухмыльнулась Верка.

Но Ира, закаленная бытом, в рабочем общежитии за себя постоять могла. Выставив чайник перед собой и угрожающе покачивая им, сказала:

– Считаю только до двух!

Парочку с кровати как ветром сдуло:

– Дура психическая!

Ира сгрэбла с кровати постельное белье, засунула все в наволочку, подумав, воткнула туда и покрывало. Прихватив посуду и хлеб, потащила все это на кухню.

Она расположилась на кухонном подоконнике, уже без всякого удовольствия ковыряясь в консервной банке. Зашедшая в кухню Саша из комнаты напротив посочувствовала:

– Что, опять Манька с Мунькой гудят?

Ира только молча кивнула.

– Ирка, что ты молчишь? пожаловалась бы в профком!

– Ага, постучи... себе в карман... Можно подумать, ты довольна соседями. Но ведь молчишь!

Саша вздохнула и вышла. Ира вымыла посуду, завернула ее в газету и понесла назад в комнату. Однако ее никто не заметил. Все бутылки уже перекечевали под стол, а сабутыльники дружно пели «Каким ты был».

Ира взяла наволочку с бельем и поплелась в подвал. В бельевой сидела комендант Цецилия Львовна: кастелянша Дуся на прошлой неделе свалилась со ступенек и сломала ногу. Вот бы взяли Иру на время! Она бы маме могла столько денег послать! И себе бы сапоги купила. Но кастелянша работает в день, а Ирин цех в три смены. Не получится... Про Цецилию Львовну говорят, что в общежитии она зарабатывает себе квартиру. Правильно, «Искож» – вредное производство, здесь очередь подходит быстро. Только какая вредность в рабочем общежитии? Впрочем, вредность есть, Ира по себе знает. И вообще, баба Цецилия неплохая. Вот и сейчас, на просьбу Иры поменять покрывало просто кивнула и сказала:

– Только разверни обязательно, может попасться рваное.

Рядом с Цецилией сидела маленькая женщина в модном пальто джерси. И сапоги на ней... очень красивые сапоги. Не то, что Ирины войлочные с обсоюзкой.

В углу возвышалась гора грязного белья. Да, тяжело придется коменданту без кастелянши.

– Цецилия Львовна, может, вам помочь белье погрузить? Мне все равно делать нечего.

– Что, монголо-татарское иго?

Иры прыснула. Точно, Мунира татарка, а у Машки узкие как у монголки глаза.

– Оно!

– В каждый мешок по сотне. На этих листочках пишешь разборчиво и зашиваешь.

Ира старательно считала белье, зашивала в мешки, пришивала бирки. Все это время женщины разговаривали, иногда переходя на шепот. Когда закончила, оказалось, что у нее неком-плект.

– Цецилия Львовна, двух наволочек не хватает и восьми полотенец.

Комендант посмотрела в свои записи и сказала:

– Так и должно быть. – Повернулась к Ире и удивилась. – Я думала, дня два буду сорти-ровать, а ты за час управилась. Спасибо тебе!

– Да не за что! – Ира пошла к выходу.

– Голенкова, подожди. Ты не хочешь на квартире пожить?

– Нет, Цецилия Львовна, зарплата не позволяет.

– А если бесплатно?

– Так не бывает.

– Подожди, Голенкова. Конечно, не бесплатно. Есть один старичок, ему тяжело себя обслуживать. Будешь убираться, готовить ему. Зато будешь иметь отдельную комнату. Конечно, без прописки. Числиться будешь по общежитию. Но койка на это время будет занята. Ну как, согласна?

– Да, – выдохнула Ира.

– Тогда быстро собирайся, Зинаида Захаровна проводит тебя на квартиру. Вещи с собой прихвати на выходные. За два дня определитесь, подойдете вы друг другу или нет! И чистое белье оставь здесь, на кой оно тебе.

Ира пулей взлетела на третий этаж, быстренько покидала в портфель разные нужные мелочи, затем халат и тапочки, новый черный спортивный костюм, который на днях купила в «Детском мире» за три сорок, натянула розовую шапку из ровницы с двумя кисточками и черное в зеленую крапинку пальто. Кубарем скатилась к вахте и закрутила головой. Минут через пять появилась Зинаида Захаровна:

– Уже готова? Шустрая девочка!

Ехали на трамвае минут тридцать. Сошли в самом центре, на Ленинском. Повернули на Бабушкина, и тут же свернули до двор, пересекли его и оказались у подъезда мрачной и пом-пезной с колоннами и лепниной под крышей «сталинки». На втором этаже Зинаида Захаровна сказала Ире: «Пришли!» и нажала на звонок. Ждать пришлось довольно долго. Дверь открыл лысоватый седенький старичок с черными и, как показалось Ире, злыми глазами.

– Вот, Аркадий Борисович, помощницу вам привела, – не здороваясь, решительно ска-зала Зинаида Захаровна. – Не спешите отказываться, девочка работающая и почтительная. Сегодня она начнет у вас уборку, переночует и продолжит с утра. Зайду после работы, завтра я до трех. До свидания!

И заспешила по ступенькам вниз. Хлопнула дверь подъезда. Тишина. Ира и старичок стояли друг против друга, разделенные порогом. Ясно, старичок не хочет, чтобы Ира жила здесь.

– Аркадий Борисович, меня зовут Ира, – прервала она неловкое молчание. – Зинаида Захаровна привела меня, чтобы я помогла вам с уборкой. Если вы не нуждаетесь, так я пойду?

– Заходи, Ира, – голос старичка оказался довольно сильным. – Я показал себя негосте-приимным хозяином, да? Я просто растерялся. Зина говорила мне, что найдет домработницу. Но как-то... несерьезно. Я думал, она просто болтает.

Широкий пустой коридор с высокими потолками освещался только из открытой двери.

– Ты извини, Ира, лампочка перегорела.

- Вот с этого и начнем. – решительно сказала Ира. – Лампочки у вас есть?
- Лампочка есть, но... тут очень высоко.
- Лестница?
- Нет.
- А как же вы ввинчивали?
- Приносил стол из кухни, на него – табурет.
- Так и сделаем. Где у вас раздеться?

В новом спортивном костюме Ира тянулась с табуретки к лампочке, но достать не могла. Пришлось притащить и поставить на табурет еще и пуфик из дедушкиной спальни. Когда лампочка загорелась, Ира сказала:

- Вы, наверное, месяц без света сидели?
- Да... даже больше.

– Значит, полгода, – решила Ира и стала слезать с построенной ею пирамиды. – Да не хватается вы за мебель, Аркадий Борисович. Я с коридора и начну. Надо с потолка паутину смахнуть.

Спohватившись через пару часов уборки, что старичку надо поужинать, она заглянула в холодильник.

- Кура суповая, – констатировала она. – Вариться будет до морковкина заговенья. Старичок хихикнул. Ира пояснила:

- Так мама моя говорит. В смысле, что не дожدهшься.
- Я знаю это выражение. У нас в Утятине так Варя говорила...
- Я лучше из нее завтра котлетки сделаю. А из арматуры суп сварю.

Старичок опять хихикнул.

– Да вы не сомневайтесь. Очень хороший суп из куриных костей, вот увидите. А сегодня... давайте сегодня болгарские голубцы съедим!

Разогревая консервные банки, она рассказывала, как обнаружила в гастрономе Искожа эти консервы, которые люди не брали по причине их дороговизны. А она отхватила сразу пять банок, а потом еще брала. Не всегда, но в минуту жизни трудную можно разогреть их в воде и плотно поесть. А если со сметаной... да вот, в холодильнике сметана!

Судя по всему, старичку голубцы понравились. Потом они пили чай с маминым черничным вареньем. Потом Ира перешла с уборкой в зал. Когда она мыла окно, то, забывшись, запела «Уж вечер, облаков померкнули края». Из коридора послышался какой-то звук. Выглянув, она увидела, что старичок плачет.

- Фаня моя этот романс пела, когда шила...

– Не буду, не буду больше. – Поскольку старичок вздрагивал, хоть слезы уже не текли, решила его развеселить. – А вы слышали песню «Как хорошо быть генералом»?

И Ира с воодушевлением запела запомнившуюся ей со вчерашней соседской гулянки песню. И старичок развеселился. Ира уговорила его накинуть пальто, усадила с кресло и, продолжая мыть окно, рассказала о монголо-татарском иге, о Цецилии Львовне; потом в лицах показала, как кастелянша Дуся падала с лестницы, а сантехник Перов пытался ее поймать. Наконец, спohватившись, что уже пора спать, уговорила его выпить стакан теплого молока.

Засыпая, она слышала, как Аркадий Борисович бормотал «а мы хотим рубать компот» и хихикал. «Песня старичку понравилась. И надо будет завтра компот сварить», – подумала она и заснула.

В общем, они подружились. Когда Ира приходила с работы, Аркадий Борисович встречал ее у порога. Она подозревала, что старичок к ее приходу устраивается поближе к коридору и ждет, когда она загремит ключами. Старался что-нибудь приготовить сам, хотя готовить не умел: то макароны слиплись, то картошка подгорела. Если удавалось что-то достать в магазине, просто сиял: «Ирочка, у нас сегодня на десерт пастила!» Когда Ирины нехитрые

истории закончились, Аркадий Борисович стал рассказывать кое-что из своей прежней жизни. Ира уже знала, что Варя, о которой он упоминал, была кухаркой в доме его родителей еще до революции. С особой нежностью он вспоминал об Утятине и его обитателях. «Как-нибудь съезжу туда», – решила Ира.

И пришел день, когда Ира рассказала Аркадию Борисовичу свою главную тайну.

Они иногда по выходным ходили в кино и на обратном пути живо обсуждали сюжет, героев, игру артистов. Однажды они попали на фильм «Подростки». Ира просто не обратила внимания, что он египетский, а то бы не пошла. Публика хлюпала носами над страданиями юной героини, какая-то подвыпившая компания хихикала по поводу ненатуральной игры актеров, а Ира задыхалась. Она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть, но не могла заткнуть уши: это бы удивило соседей. Вдруг Аркадий Борисович схватил ее за руку: «Ирочка, давай выйдем». В темноте они, спотыкаясь об ноги зрителей, выбрались из зала. Потом долго сидели на холодной скамейке в скверике, пока Ира приходила в себя. Дома она рассказала ему о своем глупом замужестве и о нынешних преследователях. Замолчав, Ира поглядела на Аркадия Борисовича, ожидая осуждения. Но он глядел на нее с сочувствием и тревогой: «Деточка, а может, ты преувеличиваешь?» Ира замотала головой: «Если б раз, могло бы показаться! Но в Новогорске были те же».

Вскоре Аркадий Борисович засобирался к сыну. О том, что его Боря сидит в тюрьме, старичок сказал ей чуть ли ни в день знакомства. «От сумы да от тюрьмы», – горестно вздохнула в ответ она и по его взгляду поняла, что эту поговорку Варя тоже употребляла. К поездке своего хозяина Ира подошла со всей ответственностью. После ночной смены она вышла на Ленинский проспект и спросила у первого попавшегося мужчины простого рабочего вида и с незлым лицом: «Дяденька, а где тут тюрьма?» Он стал ее расспрашивать, и она наплела ему, что мама попросила ее навестить дядю. Добравшись до этого мрачного здания, Ира оробела, но все-таки вслед за женщинами с узелками и кошелками просочилась в приемную. Там она уцепилась за пожилого, как ей казалось (лет под сорок) старшину сверхсрочной службы. И повторила ему ту же историю, только сказав, что ей предстоит ехать в Мордовию. Дядька ткнул ее в список у приемного окошка, а увидев, как старательно, высунув язык, Ира переписывает все в тетрадку, проникся к ней сочувствием и пояснил, как что заворачивать и к чему придираются. А потом, умилившись собственной добротой, записал ей имя своего сослуживца, который перевелся именно в этот лагерь.

В общем, Ира через Зинаиду Захаровну достала все разрешенные продукты и упаковала их: «И не забудьте, сверху я положила водку и сало. Этот сверток передадите Иванову Алексею Кузьмичу, видите, я тут записала? И привет ему от Моргачева Родика, он знает. И не тушуйтесь, все мы люди, и все водку пьют. Не откажется, не сомневайтесь».

Через три дня Ира пришла встречать Аркадия Борисовича на вокзал. Поезд задержался, и когда наконец прибыл, у Иры зуб на зуб не попадал.

– Ирочка, ну зачем ты! Ой, а руки-то какие холодные! Поехали на такси!

– Что вы, Аркадий Борисович, дорого!

Но он уже открывал дверцу серой «Волги» с шашечками. Проехать в такси Ире очень хотелось. Она на нем только в Калининграде ездила с Ахмадом.

– Ну, как?

– Ира, какая ты умница! Я сразу спросил Иванова, а он оказался на дежурстве. Передал сверток... Ира, небо и земля! Сумку просмотрели очень поверхностно, не ждал как всегда, сразу в комнату отвели. И Боря тут же пришел.

– Вот видите, Аркадий Борисович! Все мы люди! Ну, и как сынок ваш? Держится?

– Он никогда вида не покажет, если что не так. Но не изменился, не похудел, не поседел.

Просил передать тебе привет.

– Какие мы с вами... болтушки, вот! Вы даже ему обо мне рассказали.

– А как же, Ира! Ты же моя опора. Кстати, он мне хорошую идею дал насчет тебя. Потом расскажу.

Про идею Ира забыла. Но через три месяца, когда Аркадий Борисович получил разрешение на очередное посещение сына, идею в несколько переиначенном виде пришлось реализовать.

Вернувшись с ночной смены, она обнаружила хозяина на полу. Вызвав «Скорую», пыталась своими силами привести его в чувство. Уходя, кругленький лысенький врач, сочувственно схватив ее за руку, сказал:

– Крепитесь, голубушка.

– Что? – испуганно вскинулась Ира.

– Вам что, не сказали? – удивился врач. – А больной в курсе.

– В каком курсе?! – со страхом спросила Ира.

– Онкология у вашего дедушки. И жить ему осталось... не знаю, сколько, но немного. Боли начнутся – приходите к лечащему врачу за обезболивающими.

Ира долго стояла в коридоре, боясь войти к Аркадию Борисовичу. «Только не плакать!», – говорила она себе.

– Ирочка, расстроил я тебя.

– Ну что вы, Аркадий Борисович! Вы поправитесь!

– Нет, Ирочка. Будем смотреть правде в глаза. У меня не хватит сил даже к Боре съездить.

Придется тебе.

– Аркадий Борисович!

– Да, Ира. Я все бодрился, а теперь понял: Борю я больше не увижу.

– Ну что вы, он выйдет через три месяца!

– Но я-то столько не проживу. Ира, не перебивай! Я должен сохранить все, что нажил, для Бори. Знаешь, что будет с квартирой, как только я умру? Ее тут же отберут. И моему сыночку некуда будут вернуться...

– Разве так может быть?

– Так со многими было. Знаешь, что мы сделаем, Ира? Мы распишемся! – Ира смотрела на старика ошарашено, даже, кажется, открыв рот. – Ты сохранишь жилплощадь и все, что здесь есть, как моя вдова, для моего сына.

– Разве так можно, Аркадий Борисович?

– Это законно, Ира. Ты сможешь мне?

– Вы же знаете, я для вас... всё!

– Ты ведь Зине позвонила? Зина договорится в загсе, чтобы нас расписали побыстрее.

Зинаида Захаровна забежала к ним вечером после работы. Она минут десять посидела со стариком, обсуждая его дикую идею, потом вышла к Ире на кухню:

– Ирка, ты надеешься облапошить Наппельбаумов?

Ира, продолжая помешивать кашу, подняла на нее глаза. У них давно уже установились доверительные отношения. Единственное, в чем они расходились, – в оценке старика. Для Иры он был здесь самым близким человеком, добрым и заботливым. Наверное, она так к нему привязалась, потому что у нее с детства не было родного мужчины: отца, дедушки... А Зинаида Захаровна, которая была подругой покойной Фанни Иосифовны, считала Аркадия Борисовича хитрым, жадным и бессердечным. Ира удивлялась, как можно так думать о человека, которого знаешь лет двадцать, если не больше.

– Зинаида Захаровна, вы с нами поужинаете?

– Овсяную кашу? – фыркнула та в ответ.

– Еще есть блинчики с творогом, – мирно ответила Ира.

Навалившись своим большим бюстом на кухонный стол, Зинаида Захаровна резала блинчики на мелкие кусочки и быстро отправляла их в рот. Потом, подкрашивая губы и косясь на Иру, что-то, видно, для себя решала. Щелкнув застежкой сумочки, сказала:

– Простота хуже воровства. Значит, Наппельбаумы тебя облапошат.

– А что с меня взять? У меня и нет ничего.

– Молодость, моя милая. Молодость и красота. Вернется этот фармазон Борька и продаст тебя своим уголовным дружкам. Сам-то он, говорят, женщинами не интересуется.

Насчет продажи Ира только хмыкнула: здесь вам не Эль-Бахижа. А насчет того, что он женщинами не интересуется, даже обрадовалась: ей же ехать к незнакомому дядьке. Истинного смысла Зинаидинога намека она не понимала: решила, что он как пожилой, серьезный человек на баб внимания не обращает.

Через несколько дней их тихо расписали в кабинете заведующей загсом. Свидетелями были Зинаида Захаровна и какой-то длинный носатый дядька с красивым портфелем, который сразу за порогом распрощался и, несмотря на уговоры Зинаиды отобедать в ресторане, убежал.

Они сидели в ресторане втроем. Зинаида Захаровна все поглядывала на часы: заканчивался ее обеденный перерыв. Залпом выпив компот, она сказала:

– Завтра с утра пойдем с тобой в паспортный стол. Не опаздывай!

– Зина, подожди. – Аркадий Борисович вынул из кармана коробочку и подал Ире. – Вот, при тебе дарю. Это от бабушки моей остались. Фаня их никогда не носила.

– Я даже и не видела их у нее, – сказала Зинаида Захаровна, рассматривая массивные старинные серьги.

– Ой, зачем, – испуганно замахала руками Ира.

– Бери, бери, – сказала Зинаида. – С паршивой овцы хоть шерсти клок. Как пропишешься, с Искожа рассчитывайся. Пойдешь к нам центральный универмаг ученицей.

– Я не могу. Там же платить будут мало.

– Аркадий Борисович зарплату тебе еще не выдавал? Сколько платить будешь? Двадцать пять?

– Тридцать, – ответил старик.

– Какая зарплата? Я ведь живу на всем готовом.

– Поэтому и не шестьдесят. Ну вот, месяц продержишься. А там и в продавщицы переведут. Ты что, не видишь, как у тебя от этой химии ногти ломаются и волосы ползут?

Зинаида снова взглянула на часы, ойкнула и помчалась к выходу. А Аркадий Борисович сказал:

– Ира, теперь с моей фамилией твои черные тебя не найдут.

– Точно! – обрадовалась Ира. – Спасибо вам большое!

– Только ты лучше матери и сестре свою фамилию не говори. Женщины, знаешь... могут проговориться. А когда Боря вернется, он придумает, где тебе жить.

И вот Ира сидит напротив этого Бори. Он читает письмо отца, а Ира разглядывает его. На отца не похож. Разве вот нос. А овал лица другой, и фигура... старичок худенький, а этот видишь... бугай какой. Внезапно ээк поднял на нее взгляд:

– Тебя как зовут? Ирина?

– Ира. Ираида.

– Значит, Ида. – Ире это не понравилось, но возражать не осмелилась. – Что, отец действительно так плох?

– Он вдруг резко сдал за последние две недели. Мы его уже теперь одного не оставляем.

– Мы? С кем он сейчас?

– Зинаида Захаровна переселилась на время моего отъезда. А днём Цецилия Львовна заходит.

– Это кто?

– Племянница её.

– У неё нет племянницы. А! Цилия шепелявая! Как ты считаешь, почему ему стало хуже?

– Он упал. Я в ночную смену работала, возвращаюсь – лежит. Потом вроде встал, но после загса резко ослабел. Он, наверное, держался тем, что вас ждал. А теперь решил, что не доживёт – и держаться перестал.

– Он очень к тебе привязался.

– И я к нему. Не сомневайтесь, Борис Аркадьевич, я всё сделаю так, как он решил. И... кушайте, пожалуйста!

Ира прорвалась к начальнику.

– Не понимаю, девушка, чего вы от меня добиваетесь! Отпустить вашего родственника раньше, чем истечёт срок, не может никто!

– Да я и не жду! Просто скажите мне, как сообщить ему, когда папаша его помрёт!

– Телеграмму пошлите!

– Господи, да будьте же милосердны! Сколько их там в бараке? Имеет право человек поплакать, потеряв единственного родного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.